

Яна Ржевская

ДОРОГОЙ ЖАН...

Детектив в письмах

[illegible]

Яна Ржевская Дорогой Жан...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10742105

ISBN 978-5-4474-1184-8

Аннотация

1933 год, деревушка в Нижней Нормандии, куда возвращается умирать главный герой. Что объединяет его с отставным инспектором полиции и юным архивариусом? Кто опоясывает побережье Франции чередой смертей, и почему в глазах мертвых девушек нет страха? Успеет ли инспектор «Бульдог» Мерсо взять верный след? Осень, кальвадос, развалившийся дом, тени прошлого и свежая кровь на руках, которую герой не помнит. Он многого не помнит... Повесть в письмах о прошлом, настоящем и жутком.

Содержание

Август	5
Сентябрь. Часть первая	8
Сентябрь. Часть вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дорогой Жан... Детектив в письмах Яна Ржевская

© Яна Ржевская, 2015

© Ярослав Васильев, иллюстрации, 2015

Корректор Наталья Яницкая

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Август

*15 августа 1933 года,
Сен-Бьеф, Нормандия*

Дорогой Жан,

Думал ли я, что когда-нибудь вернусь в Сен-Бьеф? Нашему дому, конечно, дорого стоили четыре десятилетия без хозяйской руки и присмотра. Крыша в столовой течет, так что пол там совсем сгнил и вот-вот провалится. Мебель изъедена жучком, а ступени рассохлись и скрипят под ногами. Впрочем, в этом скрипе есть что-то умиротворяющее. Да и мне ли жаловаться? Прадедущка Ребеф строил на века, дом вполне простоит еще несколько лет, а это куда больше, чем нужно. Жаль, что книги в библиотеке отсырели, но я не так уж много читаю: голова в последнее время болит все чаще и глаза слезятся. Не те мигрени, что мучили нас в молодости, но тоже ничего приятного. Люди совсем не изменились, словно я никуда и не уезжал. Война пронеслась над Нормандией огненным валом, по счастью, не сильно затронув нашу деревню. Разве что женщин в черных платках стало куда больше, чем раньше. Но кальвадос в кабачке дядюшки Клоделя по-прежнему крепок, а по воскресеньям на лугу за церковью все так же пляшет молодежь. Ты никогда не любил этих развлечений, помнишь? А глядя на тебя, и я стеснялся пригласить на танцы какую-нибудь девицу из деревни. Потом появилась Люси – и нам обоим стало не до других девушек. Люси. Даже сейчас ее имя обжигает застарелой болью. Почему я тебе пишу? Не знаю. Я не настолько безумен, чтобы ждать ответа. И все же... Может, потому, что мне больше некому написать. Нельзя всю жизнь ненавидеть собственное отражение в зеркале лишь потому, что оно у нас одно на двоих. Или можно?

Твой Жак.

*18 августа 1933 года,
Тулузский департамент полиции, Пьеру Мерсо,
Старшему инспектору
по уголовным делам
Из Главного архива
Министерства полиции
Младший архивариус Андре Лезгран*

Господин старший инспектор,

В ответ на ваш запрос от 10 августа сего года высылаю вам копии уголовных дел, соответствующих указанным параметрам, за период с 1925 по 1932 год. Все жертвы – светловолосые женщины не старше двадцати пяти лет, белокожие, голубоглазые. Умерли в результате различных причин, в том числе выглядящих как естественные. Следов полового насилия на трупах не обнаружено. Предоставить вам более ранние материалы не представляется возможным, так как значительная часть архивных данных до 1925 года была утрачена в результате реорганизации архивов и неаккуратного хранения.

P. S. Ваша догадка поистине поразительна. Сложно поверить, что никто не видел этого раньше, но, похоже, так и есть. Это, несомненно, один и тот же человек, страдающий психическим расстройством, понуждающим его к убийству. И это чудовище вряд ли остановится! Господин инспектор, прошу прощения за смелость, но я позволил себе на основании изученных архивных дел сделать собственные выводы и льщу себя надеждой, что они могут оказаться для вас бесполезными. Впрочем, вы наверняка придете к ним и сами. На при-

лагаемой карте я отметил места совершения преступлений в хронологическом порядке. Он движется! Точнее, переезжает, пытаясь скрыть свои чудовищные деяния. Все преступления совершаются осенью, каждый раз в определенном радиусе от небольшого провинциального городка, на фермах и хуторах. В некоторых случаях смерти выглядят как самоубийство либо убийство с целью ограбления. Но я уверен, что это он!

Р. Р. S. Господин инспектор, я был бы чрезвычайно благодарен, если бы вы сочли возможным объяснить, как именно вам удалось прийти к таким точным и ясным соображениям по поводу личности преступника. Видите ли, я намереваюсь в следующем году поступать на юридическое отделение Сорбонны.

С глубочайшим уважением,
искренне ваш Андре Легран.

*20 августа 1933 года,
Сен-Бьеф, Нормандия*

Дорогой Жан,

Сегодня пол в столовой наконец-то провалился. Пятый день льют дожди, а вчера даже пошел град. К счастью, мелкий и совсем ненадолго. Я не устаю благодарить судьбу за то, что камин в спальне в полном порядке. Сначала он дымил, пришлось плеснуть керосина и пожертвовать несколькими томами Ларошфуко, которыми ранее не побрезговали мыши. Но это в прошлом. Сейчас в нашей спальне особенно уютно, как бывает всегда, когда сидишь у огня, а за окном идет дождь. Я нашел в кладовой запас свечей и отличную керосиновую лампу: она совсем не коптит и дает столько света, что я с легкостью читаю остатки Ларошфуко. Как же мало нужно человеку! Тепло, мягкое кресло, прекрасная книга... Луиза Ренар, внучка старой Мадлон Ренар – помнишь Мадлон? – приносит мне молоко, свежий хлеб, яйца и сыр, а в погребке еще остался ящик кальвадоса. Тратить такую выдержку на больного старика – почти кощунство, но кто оценит вино, сделанное Дуаньярами, лучше Дуаньяра? У этого кальвадоса вкус солнца и юности, после глотка он обволакивает небо и остается надолго, как вкус первого причастия.

Иногда я накидываю дождевик и выхожу на террасу, подышать холодным влажным воздухом. Сад совсем зарос, трава в нем кое-где моего роста, а терновник совершенно заплел ограду. И мне все чаще кажется, что я счастлив. Столько лет, столько дорог... Я всегда любил маленькие города, с их неповторимым вкусом и запахом, особенными улыбками на лицах девушек, спешащих по утрам на рынок, прохладным молчанием церковных сводов... Стертые, выщербленные камни мостовых, руины римских крепостей и средневековых монастырей, переплетение узеньких улиц... Помнишь, ты всегда издевался над моей любовью к архитектуре? Тебя влекла медицина, ты грезил о славе спасителя человечества, профессорской мантии и амфитеатре лекционного зала Сорбонны. А я всего лишь хотел строить дома. Да еще – любоваться чужими шедеврами, застывшей музыкой анфилад и контрфорсов. Я видел столько маленьких городов за эти годы! Тебе бы они понравились. Точно понравились бы. Но Сен-Бьеф – все-таки прекраснейшее место на земле. Теперь, когда глаза мои чисты от суеты мира, я вижу это как никогда раньше. Благодарение судьбе, подарившей мне последнюю осень. Я бы не хотел уходить весной или летом, когда жажда жизни пьянит и бурлит в венах. Зима? Слишком тоскливо и безнадежно. Осень же тает на губах, как спелая вишня девичьего поцелуя. Самые красивые девушки мира – здесь, в Сен-Бьефе. Ты не согласен? Тогда вспомни Люси. Нашу милую кузину Люси... Помнишь? Ты хорошо ее помнишь, Жан? За все эти сорок лет не было, кажется, ни одной ночи, когда бы я не просыпался в звериной тоске по блеску ее глаз, ярких, как море у скал Эрбийон в летний полдень.

В каждой светловолосой девушке, мелькнувшей в толпе, я видел ее – мою Люси. Не нашу! Только мою. А впрочем, что я тебе говорю? Ты все знаешь сам, не так ли?

Твой Жак.

*30 августа 1933 года,
Главный архив
Министерства полиции,
Младшему архивариусу Андре Леграну,
Тулузский департамент полиции,
Старший инспектор по уголовным делам Пьер Мерсо*

Господин Легран,

Благодарю за копии уголовных дел, предоставленные по моему запросу. В настоящее время рано говорить с полной уверенностью о каких-либо закономерностях по этому делу. Тем не менее, выводы, к которым вы пришли, небезосновательны и будут рассмотрены мной как подтверждение выдвинутой теории. В настоящее время активно ведется следствие, и до его окончания я не имею права разглашать какие-либо обстоятельства дела, в том числе и те, которыми я руководствовался. Вам же рекомендую уделять возможно большее внимание изучению классического и современного права, что, безусловно, окажет большую пользу при поступлении в университет.

С уважением, Пьер Мерсо.

Сентябрь. Часть первая

1 сентября 1933 года, Сен-Бьеф

Дорогой Жан,

Вот и наступила осень. Как же это банально. Как прекрасно. Есть ли что-то банальнее и прекраснее осени, если она – последняя? Мне все же пришлось свести знакомство с местным врачом, чего я всеми силами хотел избежать. Старик Годуа, лечивший еще наших родителей, давно отправился в мир иной, после него в Сен-Бьефе сменился не один доктор, но практика здесь небольшая и невыгодная. Помнишь, ты шутил, что на сен-бьефцах честолюбивый врач карьеры не сделает? Они, мол, слишком прижимисты, упрямы и деловиты, чтобы позволять себе такую роскошь как болезни.

Доктор Мартен из нового поколения эскулапов, что лечат прохладными ваннами и обтираниями, пешими прогулками и диетой. Впрочем, врач он неплохой. Узнав диагноз, заверил меня, что сделает все возможное, и доказал это на деле: без лишних рассуждений назначил мне морфин и ванны с камфарой. Разумеется, не прохладные. Мы с удовольствием перемыли кости доброй половине Сен-Бьефа, так как милейший доктор поначалу счел и меня приезжим. Да и могу ли я называться местным жителем после стольких лет на чужбине? Полагаю, все же – да. У всех сен-бьефцев к крови примешивается изрядная доля морской воды и кальвадоса, я не исключение. В окопах мне снились облитые сливочно-розовой пеной сады и отблески солнца на жемчужно-сером граните скал Эрбийона. И Люси, разумеется. Всегда – Люси. Сладчайшее из яблок раздора, боль моя непреходящая...

Кстати, вернувшись домой из деревни, я неожиданно почувствовал себя лучше. Даже смог разобрать ворох старых бумаг в библиотеке. Записки прадедушки Ребефа, мемуары его вдовы... Жаль будет, если все это достанется мышам. Пожалуй, стоит завещать библиотеку сен-бьефскому кюре или нотариусу Греноблю, если старый филин еще жив. Как ты думаешь, Жан? Или пусть все канет в Лету вместе с нами, чтобы Дуаньяры из Сен-Бьефа остались не более чем легендой?

Твой Жак.

4 сентября 1933 года,

начальник департамента юстиции Тулузы

Старшему инспектору Тулузского департамента полиции,

Г-ну Пьеру Мерсо

Г-н Мерсо,

За истекшие четыре года вы четыре раза продлевали свой отпуск без сохранения жалованья, а также пять раз обращались о предоставлении вам отпуска по личным причинам. К моему глубокому сожалению, департамент юстиции больше не может предоставлять вам отпуск по первому требованию. Если состояние здоровья или личные причины не позволяют вам выполнять служебные обязанности в должном объеме, я могу рекомендовать вам перевод на менее напряженную работу.

Г-н Лавиньи,

начальник департамента юстиции Тулузы

Резолюция: в ходатайстве об отпуске ОТКАЗАТЬ. Лавиньи.

*4 сентября 1933 года,
2-ну старшему инспектору П. Мерсо
Личный секретарь начальника департамента
юстиции Тулузы
Клод Жавель*

Пьер,

Ты сам видишь, к чему все идет. Друг мой, я сочувствую твоему горю, но пора смириться и принять случившееся. Эксперты единодушны в заключении: это было самоубийство. Я прекрасно знаю твои доводы, но поверь и ты мне. Увы, даже искренние католички иногда кончают с собой. Излишняя экзальтированность, несчастная любовь, отчаянный порыв... Мало ли причин могут заставить молодую девушку совершить страшный необдуманный шаг? Тебе не в чем винить себя, поверь! Клэр уже не вернуть. Ты же, если будешь и дальше упорствовать в своей охоте на привидений, потеряешь место, погубишь блестящую карьеру. Учти, что я больше не смогу покрывать твои эскапады. На твое место слишком много желающих. Например, племянник Лавины. Одумайся, прошу тебя. Вернись к службе и людям, которым ты действительно нужен.

Искренне твой Клод.

*6 сентября 1933 года,
Сен-Бьеф, Нормандия,
Жану Дуайяру*

Дорогой Жан,

Сегодня я спускался в Сен-Бьеф. С поворота тропы, откуда открывается вид на особняк, он выглядит совершенно заброшенным. Стены потемнели от сырости, черепичная крыша покрылась темно-зеленым мхом. То ли убежище вампира, то ли дом злого колдуна... Тропа тоже изрядно заросла, кое-где под слоем размытого дерна обнажились пласты глины, и в дождь ходить по ней довольно опасно. Я даже просил милую услужливую Луизу не носить мне еду, когда на тропе скользко. Все-таки внизу обрыв. Уж лучше я несколько дней посижу без свежего хлеба, чем эта славная девушка поскользнется на крутом склоне. А сыр и яйца прекрасно сохраняются в погребе неделями. Да и ем я не так уж много, все чаще приходится напоминать себе о необходимости перекусить чем-нибудь. Луиза обещала, но, боюсь, не послушается. Она все охает над моей худобой и болезненным видом, обещая, что к весне я непременно поправлюсь, если буду есть вдоволь доброго нормандского сыра. Не хочется пугать малышку, так что я неизменно соглашаюсь с ней. Она так мило краснеет, когда я почтительно зову ее демуазель Луизой и сен-бьефской лилией. Хотя, по правде сказать, от лилии в ней ничего. Скорее уж Лу, как зовут ее прочие посетители трактира, похожа на породистую телочку: спелая, крутобокая, с высокой налитой грудью, пышущая жизнью и здоровьем. Только светлые волосы и нежная, розово-белая кожа роднят ее с тем типом, который мне нравился когда-то. Эту девушку я бы и в темноте не перепутал с Люси. Да и можно ли кого-то с ней перепутать? Все блондинки мира – лишь ее бледные копии. Люси была ангелом, по недоразумению спустившимся на грешную землю, которая ее и погубила.

Не хочу вспоминать. Мне больно, Жан. Больно даже сейчас. И все же мысли неустанно возвращаются к ней. Ничего удивительного, конечно. Разве не для этого я вернулся в Сен-Бьеф? Еще раз увидеть места, где жила Люси, пройти по пляжам, где мы гуляли вдвоем, вдохнуть пряный и резкий аромат дрока, который она мяла в ладонях. Узких беленьких ладошках, нежных, совсем непохожих на грубоватые руки сен-бьефских скотниц с намертво въевшимся запахом сыра. Руками Люси я мог бы любоваться часами. Помнишь, на левой ладони, у основания безымянного пальчика, у нее был крошечный шрам в форме звездочки?

Как она посерьезнела, когда однажды после томительно-сладкой прогулки, уже у порога ее дома, я наклонился и поцеловал эту отметинку: нежно, благоговейно, будто икону Пресвятой Девы. Как вскинулся ты, процедив сквозь зубы какую-то гадость о Мари-Анж из трактира, которой, якобы, я целовал не только руки. И осекся, глядя на мое лицо. Тогда все закончилось нервным смешком Люси и протянутыми нам на прощание – одновременно – теплыми ладонями с запахом дрока, который мы рвали ей наперебой, выбирая самые красивые ветки, с самых высоких склонов. Она примирила нас – в тот день. Но трещина уже легла: черная, страшная, неизмеримо глубокая. Близнецов Дуаньяров, неразлучных близнецов из Дома на Холме, не стало. Отныне и навсегда: только Дуаньяр Жак и Дуаньяр Жан. И смутная тень поселилась в глубине глаз Люси. Тень, которую видел я. Тень, которой не мог не заметить и ты. Но хватит на сегодня, пожалуй. Я устал. Я все чаще и сильнее устаю от сущих пустяков. Прогулки к морю или в деревню, чтения, разговоров. И от этих писем – тоже. Но я еще успею рассказать тебе, Жан. Я успею.

Твой Жак.

*7 сентября 1933 года,
Тулуза, улица Медников, 47,
г-ну П. Мерсо
от г-на К. Жавеля,
Тулуза, ул. Св. Виктуарии, 12*

Пьер, ты болван!

И, заметь, это не вопрос, а чистейшая констатация факта. Какого дьявола ты хотя бы не посоветовался со мной? Какого треклятого дьявола ты подал прошение об отставке лично Лавиньи, в обход секретариата? Чтобы я его не потерял? Ну, так можешь не сомневаться, именно это я бы и сделал! Старый боров уже давным-давно не был так счастлив, как в те полчаса, когда он смаковал твое заявление, подписывал его, выводя каждую букву, и рассказывал мне – мне! – о необходимости очищать ряды юстициарного ведомства от чиновников, открыто пренебрегающих служебными обязанностями. Двадцать лет ослу под хвост, Пьер! И не говори мне, что карьера решает не все. Я не хочу этого слышать. Ты погубил свое будущее ради проклятого призрака вины. Призрака, Пьер! Кто-то же должен сказать тебе это. Это не было убийством, слышишь? Да, погибли четыре девушки. Подозрительно, конечно. Однако, убиты были только Мари Дро и Стефания Орранж. Пьер, ты куда лучше меня знаешь, что с проститутками это случается. Одну зарезали за содержимое кошелька, вторую, вероятно, убил клиент или сутенер. А Жанна Гильоме просто неудачно поскользнулась, разбив висок. Пьер, эти девушки никак не связаны с твоей Клэр. Ничего общего! Ну что может связывать прожженных шлюх, честную, но бедную швею и гимназистку из порочной семьи? Ты рехнулся, друг мой.

Лавиньи, разумеется, торжествует. Но дело даже не в этом. Решил посвятить остаток жизни поискам неизвестного убийцы? Как ты собираешься делать это теперь, без помощи полиции? У нас, знаешь ли, не североамериканские штаты, где, по слухам, процветает сыщицкая контора какого-то Пинкерона или Пинкертеля. Надолго ли хватит твоих сбережений, если ты собираешься объехать десяток городов в разных концах Франции, где давным-давно простыл даже малейший след твоего мифического убийцы? Извини, но на это не хватит даже твоих знаменитых чутья и хватки, месье «Бульдог» Мерсо! Я уже говорил, что ты болван? В общем, если надумаешь вернуться, места старшего инспектора – сам понимаешь – больше не обещаю. Но что-то приличное постараюсь из Лавиньи выбить. Поезжай, выветри из головы дурь. А когда вернешься – напиши. И вообще, пиши, если что-то понадобится. Хоть ты и болван, но все же мой школьный товарищ.

Р. С. Чек обналичишь и потратишь по своему усмотрению. И даже не думай заикаться о возврате. Мадам Жавель вполне обойдется без третьей шубы, у нее еще первые две моль не доела. Я это делаю не ради твоих дурацких теорий, а исключительно в пикку Лавиньи.

Клод

*9 сентября 1933 года,
Секретариат Тулузского департамента юстиции
На письмо из Главного архива министерства полиции
Младшему ахивариусу А. Леграну*

Г-н Легран,

В ответ на ваше письмо с пометкой «Лично для старшего инспектора г-на Мерсо» вынуждены сообщить, что адресат письма в настоящее время не работает в Тулузском департаменте юстиции. Г-н Мерсо уволился из рядов полиции 4 сентября сего года. Если ваш запрос касался служебных дел г-на Мерсо, просим повторить его, либо сообщить, к кому из инспекторов мы можем его направить. В настоящее время г-на Мерсо заменяет старший инспектор г-н Поль Лавиньи.

С уважением,

младший секретарь Тулузского департамента юстиции,

Д. Рено

Облезлая белоснежная коза покосилась желтым бесовским глазом на мальчишку, взмекнула дурным голосом и решительно поскакала по склону, густо заросшему жестким серо-зеленым дроком. Мальчишка, ругаясь словами, за которые святой отец непременно назначил бы три часа после уроков, а отец попросту взялся за ремень, с опаской полез следом. После недавних дождей тропинку от деревни к морю совсем развезло. Уйдет Белянка туда – и ищи ее потом по всем полянам. Лучше сразу – веревку на рога и к дереву. Подлая скотина упорно лезла вниз и наискосок, ловко перебирала копытами, оглядывалась, будто издеваясь. И выбирала – вот же злюка! – самые непроходимые заросли. А потом остановилась, мекнув тихо, неуверенно. Скакнула вбок, едва не наткнувшись на что-то светлое, торчащее из кустов.

Мальчишка, примеряясь к серым потрескавшимся рогам, подобрался ближе. И тоже увидел светлое, непонятное. Оскальзываясь на глине, подошел ближе, раздвинул куст. Ойкнул, выпустив ветку, отступил, едва не улетев вниз. И, забыв про козу, ошалело полез вверх по склону, спотыкаясь, падая, не замечая ссадин на грязных руках и коленях. Выбрался и пустился к деревне, тихонько подвывая, боясь оглянуться, задыхаясь от бега и ужаса.

Коза меланхолично потянулась к особенно сочной ветке, зацепила, дернула, открывая светлое. Спутанные белокурые волосы разметались по камням и редкой жесткой траве. Спокойный, невидящий взгляд кукольно-голубых глаз. Нарядная синяя юбка по щиколотку, обвившаяся вокруг ног в козловых башмачках, расшитая белая блузка. И тонкая струйка крови изо рта, засохшая на фарфорово-бледной коже. Жирная зелено-синяя муха с трудом выбралась из полуоткрытых губ, проползла по кровавой дорожке, зажужжав, поднялась в воздух...

*13 сентября 1933 года,
Тулуза, улица Медников, 47,
г-ну П. Мерсо
от г-на К. Жавеля,
Тулуза, ул. Св. Виктуарии, 12*

Пьер,

Не знаю, где тебя носит, но отправляю письмо в надежде, что экономка все же перешлет его по назначению. В высшей степени достойная женщина твоя мадам Бреф, хотел бы я, чтобы мои слуги умели так же держать язык за зубами. Сегодня у меня был любопытнейший посетитель: некий Андре Легран из Парижа. Он разыскивал тебя, потрясая кипой каких-то бумаг и утверждая, что ты непременно захочешь его видеть. Юноша явно не от мира сего, но, возможно, для твоих нынешних занятий это вовсе не недостаток?

Мы сошлись на том, что я при первой возможности попытаюсь передать тебе его письмо, что и делаю сейчас таким ненадежным способом. Мне с трудом удалось уговорить этого юнца не идти по твоим стопам, а то он уже собирался начать собственное расследование. Конечно, Тулуза не Париж, здесь куда безопаснее, но если бы молодой столичный архивариус начал шататься по окраинам в поисках приключений, он бы их непременно нашел. В данный момент месье Легран отбыл обратно, к месту службы, которой он, что-то мне подсказывает, пренебрегает так же усердно, как и его новоявленный кумир, гениальный инспектор Мерсо. Без шуток, Пьер, если тебе действительно что-то нужно от этого юноши или он выполнял твое поручение, будь любезен, напиши ему. Мне трудно представить себе человека, менее приспособленного к ведению сыска на городском дне. Однако его рассуждения о систематизации архивных дел и их роли в раскрытии преступлений выглядят на удивление здравыми. По-прежнему жду от тебя известий и надеюсь на скорейшее возвращение блудного сына в лоно юстиции.

Твой Клод.

Господин Мерсо,

Прошу прощения, что снова беспокою вас. Я понимаю, что вы не восприняли мое предложение всерьез. Действительно, что может человек моего возраста и опыта посоветовать вам? Все же прошу вас не отмахиваться от моей помощи, какой бы наивной она вам ни казалась. Я много размышлял над тем, как же вы уловили закономерность в четырех тулузских убийствах, на первый взгляд, ничем не связанных, кроме возраста и внешности жертвы. Действительно, трудно предположить, что один и тот же человек мог входить в круг общения девиц Дро и Орранж, швеи Гильоме и демуазель Клэр Сантери. Постепенно я пришел к выводу, что у меня слишком мало информации, чтобы строить какие-то предположения, и решил зайти, если позволите так выразиться, с другой стороны, попытавшись найти что-то общее не только в тулузских убийствах, но и в остальных.

Увы, сыскное дело во Франции позорнейше отстает в сравнении с другими государствами Европы, не говоря уж о Новом свете. Система господина Бертильона, основанная на измерении физических параметров преступника, была для своего времени передовой и позволила создать точный и подробный реестр преступного мира Франции. Но для нашего случая она не годится, так как нет преступника, которого можно было бы уличить в злодействе. Здесь неоценимым был бы опыт других стран в применении исследований отпечатков пальцев, как это делается в Англии, Индии, Аргентине. Печально, что Сюрте, ставшая прообразом Скотланд-Ярда, столь отстала от британского кузена. Простите, я увлекся. Но если бы кто-то собрал отпечатки пальцев на местах гибели девушек, их можно было бы исследовать и привести к одному образцу, который и принадлежал бы преступнику. А срав-

нив с каким-нибудь всеобщим каталогом жителей Франции... Что об этом говорить, скажете вы и будете совершенно правы.

Но вот что я заметил, господин инспектор, исследуя архивные дела о гибели блондинок. Самые ранние записи, тысяча девятьсот двадцать пятого года, о гибели пяти девушек – из Роана в департаменте Луары. Затем – Вильфранш-сюр-Мер – три жертвы. В тысяча девятьсот двадцать седьмом году чудовище убивает четырех девушек в окрестностях города Ним, в Лангедоке.

Господин инспектор, я думал над его логикой даже, кажется, во сне. Посмотрите на карту! Каждый год он перемещается в новый регион. А ведь регионы, как вы знаете, были образованы сравнительно недавно, после мировой войны, в тысяча девятьсот девятнадцатом году. Потому никто и не связывал эти дела, что полиция разных регионов совершенно не обменивается между собой информацией. Только потом, в нашем парижском архиве, эти дела могли бы быть упорядочены и классифицированы, если бы кто-нибудь прислушался к моим предложениям о реорганизации архивов. Но я снова отвлекся. Итак, регионы! Наш монстр движется строго по часовой стрелке, по побережью, как бы опоясывая Францию. Не знаю, что происходит в его воспаленном мозгу, но мою теорию легко проверить. Тысяча девятьсот двадцать восьмой – окрестности Тулузы, как вам известно, – Пиренеи. Тысяча девятьсот двадцать девятый – Аквитания, городок Аркашон. Затем Пуату, Луара и, в прошлом году, Бретань!

Господин инспектор, я с полной уверенностью осмелюсь утверждать, что в этом году убийца будет в Нижней Нормандии. Конечно, вы можете сказать, что это больше семнадцати тысяч квадратных километров – и будете правы. Но у нас есть шанс если не опередить чудовище, то хотя бы остановить его, выследив, как волка-людоеда, по кровавым следам.

Господин Жавель обещал переслать вам мое письмо, я от всей души надеюсь, что оно попадет к вам вовремя. Сейчас середина сентября. Значит, у нас есть еще, как минимум, пара месяцев. Жду от вас известий и позволения присоединиться, а пока продолжаю исследовать все, что могло бы помочь в поисках твари.

Искренне ваш Андре Легран.

*15 сентября 1933 года,
Сен-Бьеф, Нормандия*

Дорогой Жан,

У нас по-прежнему льют дожди. В доме холодно и сыро, так что я окончательно переселился в спальню. Обои в углу напротив кровати позеленели и покоробились, вечером, засыпая, я смотрю на пятна и развлекаюсь детской игрой: пытаюсь увидеть в их очертаниях замки, чудовищ и лица людей. Отблески пламени в камине и тени от него играют на обоях, меняя границы пятен, и будь я более склонен к суевериям, непременно попытался бы увидеть в них прошлое. Почему не будущее? Оно и так мне прекрасно известно, сам понимаешь, и ничего привлекательного в этом знании нет. А вот позади осталось многое, на что хотелось бы еще раз бросить взгляд...

Сегодня меня разбудил колокол деревенской часовни. Он звонил долго и мерно, а выйдя на склон, обращенный к Сен-Бьефу, я увидел длинную процессию, вьющуюся среди холмов. В черных плащах и шляпах, под черными же зонтиками, сберегаемыми, кажется, единственно ради дождливых похорон, добрые сен-бьефцы были удивительно похожи на понурых ворон. Кто знает, кого они провожали в последний путь? Не я. И невольно ловлю себя на мысли, что мне это совсем не интересно. Все сильнее отдаляясь от людей, словно тень, сходящая в царство Аида, я с непрестанной жадностью смотрю на приметы уходящего лета: по утрам заметно холоднее, яблоки в саду покрываются восковым налетом, а ежевика,

оплетающая перила беседки, покрыта сизо-черными кислыми ягодами, такими плотными, что даже на пальцах от них не остаются пятна. Раньше они казались намного мягче и слаще, и это не ностальгия, ведь я помню, как матушка собирала их, чтобы сделать начинку для пирога. Ее пальцы потом испещряли лиловые кляксы, такие забавные и милые на бледной нежной коже, словно нерадивая школьница испачкалась чернилами. Отец ловил ее руку, когда она, лукаво смущаясь, поднимала ее к глазам, и целовал, улыбаясь в усы. А я, маленький, не понимал смысла этой игры, ведь меня-то за испачканные руки всегда ругали...

Как ты думаешь, Жан, это тоже одна из примет близящегося конца? Я все чаще вспоминаю их такими, какими видел незадолго до того дня: счастливыми, с яркими молодыми глазами на слегка увядших, но таких прекрасных лицах. Здесь, на широком деревянном крыльце, всегда до блеска вымытом и натертом воском, они стояли вечерами, вглядываясь в даль: то ясную, то затянутую легкой дымкой тумана. Точнее, смотрела матушка, а отец не отрывал от нее влюбленных глаз – и кто сказал бы, что супруги Дуаньяр уже не так молоды, как когда-то. Все это рухнуло, Жан, ты помнишь? Все рухнуло в одночасье. Но если бы мне хоть на миг увидеть то, что видела тогда она с холма – и прикоснуться к этому теплему, незамутненному счастью, которое лживо обещало им будущее. В тот день, когда мы провожали матушку, тоже накрапывал дождь. И, наверное, так же сен-бьефцы были похожи на нелепых ворон? Я не помню. Но капли, стекающие по мгновенно поседевшим вискам отца – о, их я помню так, словно это было вчера.

Твой Жак.

Сентябрь. Часть вторая

*16 сентября 1933 года
Авиньон, ул. Монфрен, 16
демуазель Ортанс Дерош
от г-на А. Леграна
Париж, проспект Марсо, 126*

Дорогая Ортанс,

Когда ты получишь это письмо, не торопись адресовать свой ответ в Париж. Я пока не могу дать тебе свой следующий адрес, но не сомневайся, моя дорогая кузина, что буду писать тебе каждый раз, как выпадет свободное время. Уверен, сейчас в твоей прелестной и умной головке появилось множество справедливых вопросов: куда я отправляюсь, зачем, когда вернусь. Обещай мне, что содержание этого письма останется между нами – и я постараюсь хоть немного удовлетворить твое любопытство.

Помнишь, ты говорила, что архивная служба – это невыносимо скучно? Я уже почти согласился с тобой, разбирая пропыленные папки и чувствуя себя кем-то вроде джинна, обреченного вить веревки из песка по приказу злобного колдуна, однако... Ортанс, то, что я узнал, разыскивая дела по самому обычному запросу из провинциального комиссариата, теперь грозит перевернуть всю мою жизнь. Вообрази идеальное преступление: бесчеловечное, отвратительное и почти безнаказанное. Почти, потому что зверь в человеческом облике, совершающий раз за разом немыслимые ужасы, предусмотрел все, кроме стечения случайностей. После работы я целую неделю отбирал бумаги по этому запросу... Не то чтобы мне было больше нечем заняться – Париж прекрасен – но уже после первого вечера исследований картина, сложившаяся передо мной из разрозненных частей мозаики, потрясала. Я не могу рассказать тебе всего – и по долгу службы, и из опасения, что разрушу твою веру в божественное милосердие и справедливость, – но речь идет о целой череде убийств. Убийств юных девушек! И самое ужасное, что почти невозможно доказать даже то, что это – убийства.

Ты спросишь, почему же я так уверен, что увидел преступление там, где его больше не видит никто? Наша юстициарная система плачевно несовершенна, а большинство доказательств уже надежно скрыты временем и кладбищенской землей. Но есть один человек, тот самый, что прислал запрос... Ортанс, это просто удивительно! Как он смог увидеть связь в том, что было невозможно связать между собой? Как у него получилось встать на след чудовища? Я поражен, дорогая Ортанс, поражен и восхищен. А теперь все грозит затормозиться лишь из-за того, что ни один суд в мире не примет в качестве доказательства нашу с ним глубочайшую уверенность в собственной правоте. Я сказал «нашу», но лишь тебе могу признаться: я вовсе не уверен в том, что имею на это право. Он опытный полицейский, гроза преступников, человек, который всю жизнь отдал борьбе за правосудие. А я... Кто я? Архивная крыса, мечтающая увидеть свое имя в списках студентов Сорбонны?

Ортанс, пришло время признаться тебе в корыстных целях этого письма. Вчера я взял на работе отпуск по семейным обстоятельствам. Дядюшка Поль, заботам которого поручила меня в Париже моя дорогая тетя, твоя матушка, ничего не подозревает. Он уверен, что я возвращаюсь в Авиньон для знакомства... О, дорогая кузина, прости мне эту ложь! Для знакомства с одной из твоих подруг по гимназии. Ты понимаешь? Если ты мне не поможешь, разрушится не просто моя карьера – вся моя жизнь рухнет. Я уверен, убежден всем сердцем и душой, что в этом мире ничто не совершается просто так. Если бы запрос инспектора Мерсо попал к менее внимательному архивариусу, утомленному постоянной работой,

если бы у меня не выдалось несколько свободных вечеров перед получением жалованья, если бы... Если бы не все это – но Провидение, в которое верим мы оба, устроило все именно так и никак иначе. Я еду в Нижнюю Нормандию, чтобы исполнить долг перед теми несчастными, чья смерть в противном случае так и останется неотмщенной человеческим правосудием. Умоляю, если дядюшка Поль решит поинтересоваться моими семейными делами и матримониальными устремлениями твоей матушки... Ты ведь знаешь, что делать, верно? Обещаю, следующим летом я покорно приму свою судьбу, оказав должное внимание любой авиньонской барышне по вашему с тетушкой Корделией выбору. И обещаю писать тебе, рассказывая все новости. Ты ведь поможешь мне, милая, дорогая Ортанс!

Искренне любящий тебя кузен Андре

P. S. Не могу передать должных слов любви и благодарности моей дорогой тетушке, так как иначе тебе придется показать ей это письмо. Но можешь не сомневаться, что в сердце я храню ваш образ с самой искренней нежностью и каждый вечер поминаю вас в молитве перед сном.

*16 сентября 1933 года
Тулуза, ул. Св. Виктуарии, 12
Г-ну К. Жавелю
от г-на А. Леграна
Париж, проспект Марсо, 126*

Господин Жавель,

Простите, что снова причиняю вам беспокойство, но в мой прежний к вам визит я оставил вам некоторые бумаги, которые, надеюсь, вы смогли передать адресату. Я помню наш разговор и все сомнения, которые вы высказывали, но и собственный разум, и душа убеждают меня, что последовать этим сомнениям означает проявить недостойную слабость и малодушие.

Сегодня я испросил на службе отпуск. К сожалению, придется отработать еще неделю, но когда она истечет, я сразу же отправлюсь в Кан, откуда, по моему скромному разумению, следует начинать поиски. Видите ли, господин Жавель, я прекрасно осознаю, что не имею ни малейшего опыта в тех изысканиях, к которым привык господин Мерсо и которые столь хорошо ему удаются. Однако льщу себя надеждой, что и у меня есть некоторые способности, которые могли бы пригодиться ему. Я неплохо умею работать с бумагами, а вы знаете по собственному жизненному и служебному опыту, как много ценных сведений можно извлечь даже из документов, на первый взгляд не относящихся к делу.

Я надеюсь, что в главном городе Нижней Нормандии смогу получить доступ ко всем ежедневным газетам, в которых печатаются сводки несчастных случаев и преступных происшествий. Вам, наверное, известно, что, согласно правилам, в архив полицейского департамента региона поступают экземпляры всех печатных изданий, выпускаемых в этом регионе, даже самых маленьких провинциальных газет. В прошлом месяце я ездил по служебным делам в Нант, и у меня сохранилось письмо в нантский городской архив с указанием оказывать содействие и помощь. Надеюсь, мне удастся убедить архивные власти Кана, что мое пребывание в их городе – часть прошлого поручения, но если эта надежда окажется безуспешной, не могли бы вы прислать на мое имя любой запрос из вашего департамента, касающийся архивных исследований? Господин Жавель, я понимаю, что моя просьба кажется более чем сомнительной, но вы гораздо лучше меня знаете, что инспектор Мерсо не остановится раньше, чем либо поймает преступника, либо полностью убедится в своей неправоте. А я верю, что он прав, и хочу помочь ему всеми доступными мне силами и способами.

Если монстр, о котором мы говорили, существует, он непременно проявится в Нижней Нормандии в этом году. Мне достаточно будет последовательно проверять все газеты региона, чтобы рано или поздно наткнуться на подозрительные случаи смерти юных девушек, ведь это всегда привлекает внимание журналистов. Но если я получу доступ к полицейским сводкам, время ожидания сократится в разы, и, возможно, ваше письмо спасет чью-то жизнь.

Кроме того, если вас не затруднит, не будете ли вы столь любезны еще раз передать господину Мерсо, что в Кане я собираюсь поселиться в гостинице «Дюссо» и буду ждать от него любых известий. Я понимаю, что господин Мерсо не воспринимает меня всерьез, но надеюсь доказать ему, что аналитический подход к исследованию документов может дать полезные результаты в расследовании преступлений.

С глубоким уважением, ваш А. Легран

*18 сентября 1933 года,
Сен-Бьеф, Нормандия*

Дорогой Жан,

Дожди, непрерывно лившие целую неделю, наконец-то прекратились. Сегодня меня навестил доктор Мартен, обеспокоенный, по его словам, тем, что давно не видел меня в деревне. Неудивительно, ведь со времени моего приезда я был в Сен-Бьефе всего пару раз. Осенняя апатия, кажется, все-таки преодолела крутой склон холма и вползла в наш дом одной из темных дождливых ночей, заполнив его невидимой влажной мглой. У меня болят суставы пальцев, а аппетит совершенно пропал, чему, впрочем, не стоит удивляться. Доктор Мартен, осмотрев меня – и охота же ему тратить время – лишь вздохнул многозначительно. Да, я все прекрасно понимаю сам. Каждый день, на который продлевается мое томительное существование – это подарок судьбы. Незаслуженный подарок. Но я сказал ему, что хочу увидеть сбор урожая, пусть и не успею дожждаться, когда кальвадос этого года созреет. Ты ведь помнишь, что последние яблоки для кальвадоса Дуаньяров снимают в конце октября – и я хочу последний раз посмотреть на струю бледного золота, льющуюся в дубовые бочки, вдохнуть ее пока еще девственный аромат, только начинающий мешаться с запахом старого дуба. Желание не хуже любого другого, верно? Чем еще гордиться мне, Дуаньяру, как не кальвадосом, прославившим нашу землю? За что цепляться на этой земле, как другие цепляются за последнюю надежду? Но я отвлекся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.